

(подготовка текста не завершена)

Г.П. Щедровицкий

Проблема соотношения логических и психологических исследований мышления в истории советской психологии*

1. В ходе исторического развития науки предмет психологии (или предметы, если их много) постоянно перестраиваемся и должен все вновь и вновь самоопределяться, осознавая свою структуру и свои отношения к другим наукам.

Этот процесс связан отнюдь не с объективным изменением «психического», а в первую очередь с изменением «аппарата» и «хозяйства», если можно так выразиться, психологии как научной дисциплины и сферы деятельности.

Значительную роль в этом процессе перестройки и трансформации предмета (или предметов) психологии играют, с одной стороны, взаимодействия — конкуренция, взаимообогащение, взаимоассимиляция и т.п. — психологии и смежных с ней наук (логики, социологии, физиологии и др.), а с другой стороны, сознательное проектирование предмета психологии с учетом реального положения, традиций, претензий и возможностей как самой психологии, так и других наук.

Взаимодействие разных наук и их конкуренция приобретают конфликтный характер на «ничейной земли», когда человеческая мысль и познание осваивают новые виды и типы предметов, начинают распространяться на новые области и при этом каждая наука использует понятия и представления других наук в качестве средств, фиксирующих объекты изучения и эмпирический материал. С внешней стороны дело здесь обычно выглядит так, что, скажем, психология вторгается в область социологии или логики, а последние, в свою очередь, захватывают и ассимилируют отдельные части психологической области. На деле же это, конечно, не так, ибо в самом объекте и в объектных областях нет психологических, логических или социологических сторон. Все это — предметные образования, и как таковые они связаны не с объектом самим по себе, а со структурами науки. Другими словами, захват и освоение психологией того содержания, которое первоначально было оформлено как логическое или социологическое, — совершенно нормальное и необходимое дело, также как и противоположный процесс захвата и освоения содержания психологии логикой или социологией. Важно только чтобы в этом процессе действительно осуществлялась переработка «чужих» содержаний в свое собственное, скажем, психологическое, чтобы это «чужое» содержание оформлялось в новых средствах, органически принадлежащих данной науке,

* Доклад на IV съезде Общества психологов 24 июня 1971 года.

и чтобы, соответственно этому, само это содержание трансформировалось и перерабатывалось адекватно своей новой форме.

Таким образом, процесс захвата и освоения «чужих» содержаний должен идти по логике внутреннего развития каждой науки, адекватно ее потенциям к развитию и освоению этого содержания и в соответствии с принципом «зон возможного развития».

Поэтому важнейшим условием и средством регулирования этих процессов развития, в частности, конфликтов между науками, возникающих на «ничейной земле», является хорошее знание, достаточно широкое и вместе с тем доскональное, история психологии и смежных с ней наук, истории формирования и развития их предметов.

История науки выступает таким образом как одно из важнейших и эффективнейших средств развития самой науки, именно в этом проявляется органическая связь между историей науки и ее теорией. В каком-то плане история науки есть даже более высокая форма человеческого знания, нежели теория, форма, рефлектирующая и ассимилирующая саму теорию. Можно даже сказать, что история науки есть такая особая и обобщенная форма фиксации всего нашего опыта познания, которая дает возможность «овладевать» теоретической работой и превращать развитие теории в целенаправленное и сознательное дело.

Поэтому там, где в заgone оказываются исторические исследования, перестает развиваться теория, ибо она не имеет достаточных средств для осознания и регулирования самой себя. И точно так же можно сказать, что интенсивное развитие исторических исследований является условием и предпосылкой развития теории и методологии всякой науки, а интенсивность исторических исследований свидетельствует об интенсивности теоретической работы.

2. Исходя из этого понимания функций исторического знания и стимулируемый дискуссиями, развертывающимися сейчас с особенной остротой в области методологии и теории психологии, я хочу рассмотреть проблему связи логики и психологии в истории советской психологии. Я хочу обратить ваше внимание на некоторые аспекты обсуждения этой проблемы в прошлом, чтобы показать, как складывались и оформлялись основные позиции, сталкивающиеся в современных методологических и теоретических дискуссиях.

Обсуждение вопроса о соотношении психологических и логических аспектов в рамках психологии неизбежно вместе с тем будет обсуждением вопроса о предмете, действительности и объекте самой психологии как науки. Поэтому оно обязательно затронет понятие о деятельности, как оно использовалось и оформлялось в самой психологии, а также — о всех производных понятиях, связанные с понятием деятельности.

Это будет одновременно обсуждение трудного пути выдвижения новых концепций, полных нового содержания и нового смысла, резко противопоставляющих себя прежним содержаниям и смыслам, и постепенного обесмысливания их в результате интерпретации в старых традиционных схемах понимания и мышления, в результате попыток примирить и согласовать их со старыми, традиционными представлениями.

Я хочу сразу предостеречь от попыток трактовать то, о чем я буду рассказывать, в персональном и личном плане — как ошибки или недостаточное понимание проблем какими-либо людьми. Речь идет не о столкновении людей, а об объективном, внеличностном процессе взаимодействия и столкновения разных способов и стилей мышления. Именно это должно интересоваться нас в первую очередь, хотя, конечно, история науки есть не только история идей и способов мышления, но также история людей, организаций и их столкновений друг с другом.

3. Для анализа и описания выбранной мною темы — взаимоотношения логических и психологических методов и представлений в истории советской психологии — достаточно рассмотреть, как мне представляется, пять основных и кульминационных точек:

1) условия и обстоятельства формирования культурно-исторической концепции Л.С. Выготского,

2) критику культурно-исторической концепции ближайшими учениками Выготского — А.Н. Леонтьевым и П.И. Зинченко, замену культурно-исторической концепции концепцией действий и деятельности,

3) критику способов соединения логических и психологических представлений и методов в концепции развития человеческого интеллекта Ж. Пиаже советскими психологами — Д.Я. Гальпериным и Д.Б. Элькониним,

4) дискуссию по проблеме соотношения понятий мышления и умственных действий на I съезде Общества психологов (1959 г.),

5) демонстрацию принципов, методик и результатов логико-педагогических исследований мышления и мыслительной деятельности детей на II съезде Общества психологов (1963 г.)

Все эти моменты теснейшим образом связаны друг с другом и образуют как бы единую линию развития идей и методов в советской психологии; как таковые они подкрепляют и обосновывают выделение друг друга и вместо с тем отделяются от других эпизодов, касающихся казалось бы той же самой темы. Именно поэтому я не указываю в качестве основной и кульминационной точки развития этой проблемы попытки С.Л. Рубинштейна обсудить эту проблему и найти какое-то решение ее, хотя сами по себе они, наверное, представляют известный интерес.

Хотя все перечисленные мною пункты должны рассматриваться вместо и в связи друг с другом — как я уже сказал, они образуют единую линию развития идей, — тем не менее в сегодняшнем докладе из-за

ограниченности времени я смогу обсудить, да и то лишь кратко, только два первых пункта.

4. Концепция культурно-исторической природы психики создавалась и развертывалась Л.С. Выготским в очень сложных условиях, которые коротко могут быть охарактеризованы как условия все более углубляющегося кризиса теоретической психологии.

Вундтовская экспериментальная психология, возникшая в противовес философской и феноменологической психологии, была в известном смысле незаконнорожденным дитем или, точнее, — гомункулом, выращенном в колбе. Задуманное в соответствии со схемами естественных наук, она не имела необходимых условий для своего собственно научного развития и поэтому начало развиваться без психологической теории, независимо от нее и во многом даже вопреки ей.

Поэтому в слое теории в психологии широко использовались онтологические схемы, понятия и представления из философии и других наук — биологии, социологии, культурологии, логики, физиологии и даже физики и химии.

Развитие экспериментально-эмпирического слоя, опиравшееся на схемы и модели разных наук, к началу 900-х годов привело к глубокому и затяжному кризису теории и методологии психологии, (который нисколько не уменьшился к нашему времени — это реплика в сторону, — а даже наоборот, все время увеличивается и углубляется дальше: до сих пор мы не имеем не только строго построенного предмета психологии, но даже мало-мальски обоснованной онтологии, на которой он мог бы строиться). Именно в этих условиях сложился интроспекционизм Вюрцбургской школы (как совершенно особое применение его), бихевиоризм и гештальт-психология. Все это были попытки построить теорию и единый предмет психологии. Но все они, вопреки установкам их авторов и создателей, приводили не к объединению и синтезу предмета психологии, а продолжали все дальше и дальше разрушать его, углубляя разрыв между эмпирически накапливаемыми фактами и теоретическими конструкциями.

Именно в этих условиях — с одной стороны, непрекращающихся попыток синтеза предмета психологии, а с другой стороны, все большего разрушения его, в том числе и благодаря этим попыткам — создавал свою культурно-историческую концепцию психики Л.С. Выготский.

Я, естественно, не буду излагать основные идеи этой концепции, предполагая, что они хорошо известны всем собравшимся. Мне важно будет подчеркнуть лишь несколько моментов, особенно значимых в плане дальнейшего разрыва учеников Выготского с основными идеями и принципами культурно-исторической концепции.

Самым главным в концепции Л.С. Выготского было, безусловно, то, что он увидел ключ к объяснению специфики человеческой психики в знаке

и его значениях; поэтому именно на знаках и их значениях сосредоточил он главное внимание и через посредство них объяснял не только речь и мышление, но и все другие высшие психические функции.

Именно в этом я вижу основное историческое значение концепций Л.С. Выготского, именно в этом состоял смысл и содержание его героической попытки вырваться за рамки традиционного психологизма и учесть при изучении психики данные смежных наук — социологии, логики, семиотики, культур-антропологии и других.

Насколько мне известно, как в тот период, так и через несколько десятилетий эта концепция была единственной психологической концепцией, которая во главу угла поставила знак и его значения. Характерно, что в концепции Ж. Пиаже, которая начала формироваться, примерно на 5–6 лет раньше, знак и значения были на заднем плане, и в ходе всего дальнейшего развертывания своей концепции Ж. Пиаже так и не оценил решающей роли знака. Но именно поэтому, на мой взгляд, к концу 50-х годов концепция Ж. Пиаже оказалась уже по сути дела устаревшей и была отодвинута с основной линии развития психологии, а концепция Л.С. Выготского, несмотря на все свои недоработки, как научно-исследовательская программа до сих пор остается на этой линии.

Из этой основной идеи — определяющей роли знака и его культурно-исторических значений — вытекали многие важные следствия, определившие общее лицо концепций Л.С. Выготского.

Прежде всего Л.С. Выготский должен был совсем по особому взглянуть на эволюцию психики. Он должен был разделить всю эволюцию на два этапа — биологическую и культурно-историческую, и соответственно этому ввести, по сути дела, два разных типа психики — биологическую психику и собственно-человеческую, социальную, культурно-историческую психику.

Специфика человеческого поведения, по мнению Л.С. Выготского, заключена в возможности овладевать природой благодаря использованию орудий труда и знаков как орудий особого рода. Соответственно этому собственно человеческие, историческое развития психики заключается в усвоении таких приемов поведения, которые основываются на использовании и употреблении знаков в качестве средств для осуществления той или иной психической операции. С помощью этих «психологических средств», появление и развитие которых обусловлено культурно-историческим развитием человеческого общества, человек овладевает своей прежде естественной, натуральной психикой, являющейся продуктом биологического развития. Человек овладевает своим поведением как одной из сил природы, извне, при помощи особой своеобразной культурной

техники. Это овладение натуральной психикой и делает ее специфически человеческой¹.

Из всех этих принципов вытекало, в частности, что не может быть единого психологического предмета, описывающего как биологическую психику животного, так и социальную, культурно-историческую психику человека: переход от биологической эволюции к эволюции исторической создавал естественную границу между двумя психологическими предметами. Поэтому сам Л.С. Выготский, если и сопоставлял психику человека с психикой животного, то только в плане их противопоставления и подчеркивания различий².

Теперь посмотрим, в чем же увидели главные ошибки Л.С. Выготского его ученики и по какой линии шла их основная критика.

Для того чтобы рассмотреть это, я выбрал работу П.И. Зинченко «Проблема произвольного запоминания», опубликованную в «Научных записках Харьковского государственного педагогического института иностранных языков», том I, 1939 г. Написана эта работа была несколькими годами раньше, причем в редактировании и оформлении ее, насколько мне известно, активное участие принимал А.Н. Леонтьев, бывший руководителем кандидатской диссертации П.И. Зинченко, в которой подробно осуждались и рассматривались все эти вопросы.

Чтобы быть предельно точным, я начну с цитирования основных кусков «обвинительной части» этой работы.

«В решении этих вопросов был допущен целый ряд крупных ошибок, обусловленных ошибочностью основных исходных положений этой системы взглядов в их целом.

Неправильно решен основной вопрос о понимании природы психического. Специфическим и самым существенным для характеристики человеческой психики было признано овладение психикой натуральной, естественной, биологической через использование вспомогательных психологических средств. В этом положении заключена основная ошибка учения Выготского. Марксистское понимание исторической, социальной обусловленности развития человеческой психики человека была сведена к воздействию на субъекта человеческой культуры. Развитие психики, таким

¹ Для выразительности я использую здесь для характеристики взглядов Л.С. Выготского текст, принадлежащий его ученику и критику П.И. Зинченко. Точность и строгость самого текста свидетельствуют, насколько хорошо последний понимал суть взглядов Выготского.

² В этом плане весьма характерно, что один из учеников Выготского — П.Я. Гальперин, очень настойчиво проводит мысль о необходимости единого предмета для описания психики животных и человека (см., в частности, его доклад о предмете психологии осенью 1970).

образом, рассматривалось не как определяемое развитием реальных отношений субъекта к действительности, а как ограниченное общением сознания субъекта с культурной, идеальной действительностью...

Ошибочность решения этого основного вопроса определило неправильное решение и вопросов генезисов памяти, строения ее процессов и др.

Биологический этап в развитии психики был сведен к физиологическим закономерностям. «Естественная», «натуральная», «биологическая» память — за всеми этими терминами был закреплён смысл «физиологической» памяти... Поэтому для характеристики памяти животного осталось лишь «сохранение следов прежде действовавших раздражителей, выучка, дрессура, воспитание навыков», причем все это исчерпывалось физиологическими закономерностями. Но тем самым вся предыстория человеческой психики оказалась вытолкнутой...

Но в трактовке произвольного запоминания была допущена и ошибка другого характера. Психическое в произвольном запоминании было ограничено одним только, хотя и существенным, моментом, а именно — употреблением знака в качестве средства запоминания и в связи с овладением операцией запоминания. Понятие опосредствования является одним из самых существенных и положительных моментов, внесенных Выготским в психологию, потому что впервые стало возможным исследование не только результатов запоминания (что было характерно как для эмпирической, так и для функциональной психологии), но и изучение самого процесса, самой деятельности запоминания, его внутреннего строения. Однако и в основу решения вопросов строения деятельности запоминания положены по существу ошибочные теоретические предпосылки.

Различное отношение средства к предмету запоминания, бесспорно, существенным образом характеризует и определяет и различное строение самого процесса запоминания. Постановка этого вопроса и его разработка составляет поэтому большую заслугу Выготского и является, с нашей точки зрения, бесспорным завоеванием советской психологии.

Но и этот основной вопрос разрешался Л.С. Выготским только ограниченно верно. Отправляясь от положения, что основным, специфичным для человеческого запоминания (как и для всех других процессов) является овладение знаком-средством. Выготский считал, что главную характеристику деятельности запоминания составляет отношение средства к предмету запоминания. При этом отношение средства к предмету психической деятельности было оторвано от реальных отношений субъекта к действительности, взятых в их полном и действительном содержании. Но при этих условиях отношение средства к предмету является уже собственно логическим, а не психологическим отношением. Подобно тому как историю общественного развития нельзя свести к истории развития культуры, так и содержание развития запоминания нельзя сводить и ограничивать

рассмотрением развития только «внешних» или «внутренних» средств в их отношении к предмету данной деятельности. История развития культуры необходимо должна быть включена в историю экономического, общественного развития общества. Но подобно тому как история развития культуры должна рассматриваться внутри определенных общественно-экономических отношений, определяющих возникновение и развитие этой культуры, — так и развитие «теоретического», идеального опосредствования должно рассматриваться внутри реальных практических отношений субъекта и действительности, т.е. внутри того, что, собственно, и определяет возникновение, развитие и содержание психической деятельности...

Подобно тому как отрыв возникновения и развития культуры, орудия труда от определяющих это возникновение и развитие экономических и общественных отношений неизбежно ведет к признанию разума человека как первоисточника, так и отрыв возникновения и развития психических опосредствованных операций от реальных отношений субъекта к действительности, т.о. от реального процесса его жизни, привел систему взглядов Выготского к интеллектуализму. Интеллектуализм этот выразился в том, что процесс развития психики субъекта рассматривался как определяемый процессом овладения субъектом общественно-сложившимися способами, приемами поведения или, еще точнее, — теми значениями, в которых они идеально фиксированы.

В исследованиях мышления ребенка Выготский уже прямо связывает развитие опосредствования с развитием значения — обобщения, как внутренней психологической стороны слова-знака. Оторвав развитие опосредствования от реальных отношении субъекта к действительности, Выготский замкнул это развитие в развитие понятий, мышления. Потеря истинно-психологического закрыла путь для правильного понимания истинного, конкретно-психологического источника возникновения и развития психической деятельности ребенка, в том числе и деятельности запоминания. Именно поэтому Выготский приходит к признанию общения как источника и движущего фактора развития сознания ребенка, общения, понимаемого идеалистически, в смысле «духовных» сношений, в смысле речевого общения, а не в смысле взаимоотношения людей друг с другом, включающем в себя и их «материальные сношения» (Маркс).

Таким образом, неправильное решение основного вопроса о природе психического привело к тому, что на одном полюсе мы имеем полную утрату психического (сведение произвольного запоминания к физиологическому), а на другом — неправильное, ограниченное понимание психического (сведение произвольного запоминания к овладению средством). Первое привело к сохранению концепции механистической, второе — к сохранению концепции идеалистической, выразившейся в интеллектуализации деятельности запоминания, в уходе снова в идеалистическую функциональную психологию» (стр.).

Столь длинное цитирование понадобилось нам по двум причинам. Во-первых, сам сборник «Научных записок Харьковского пединститута» стал библиографической редкостью, а во-вторых, сам текст настолько хорош, настолько четко и концентрированно выражает оппозицию взглядов А.Н. Леонтьева и П.И. Зинченко взглядам Л.С. Выготского, что безусловно повторение и воспроизведение его здесь будет полезным и поможет читателю составить правильное представление о том, что происходило.

Вместе с тем, чтобы понять смысл и значение этого текста, нужны, несмотря на его четкость и определенность, еще многочисленные теоретические и исторические сопоставления, которые помогли бы выделить в нем самые существенные философские, методологические и собственно теоретические моменты. Поэтому я постараюсь по возможности подробнее прокомментировать этот текст.

Главным, бесспорно, является противопоставление отношений человека и его поведения к культуре, с одной стороны, и отношений их к «окружающей действительности», с другой стороны. Наверное, именно здесь лежит главная противоположность традиционного психологизма и культурно-исторической концепции; все остальное вытекает из этого или этим определяется.

Если воспользоваться представлениями и схемами современной теории деятельности, то это можно будет изобразить так (см. схему 1).

нормы культуры

социетальные отношения

Схема 1 (*В машинописном тексте архива схемы отсутствуют*)

В терминологии теории деятельности все отношения к непосредственному окружению — социальным организациям, группам, производственным и клубным коллективам и т.п., называются социетальными структурами, а все отношения к нормам культуры и сама нормировка называются социокультурными структурами. В противопоставлении одних другим и состояла суть критических замечаний А.Н. Леонтьева и П.И. Зинченко в адрес концепции Л.С. Выготского.

Если Л.С. Выготский главный упор сделал на социокультурные структуры, если из них он выводил специфику человеческой психики, если главным, соответственно принципам социокультурной точки зрения, в этом процессе был знак с его значениями, то А.Н. Леонтьев и П.И. Зинченко, наоборот, главный упор делали на социетальные структуры, на отношение человека к так называемой «действительности», — и хотя в их собственных работах понятие действительности не вводилось и никак не пояснялось, но имели они в виду именно непосредственное отношение человека к его окружению, понимаемому в предельно натуралистическом смысле.

Из этого принципиального противопоставления вытекала масса крайне

важных и принципиальных следствий, а само оно точно так же базировалось на весьма существенных и принципиальных расхождениях в философских и методологических основаниях. Я постараюсь весьма кратко наметить и по возможности обсудить их.

1. Прежде всего, наверное, нужно ответить, что позиция, противопоставляющая социетальные отношения и связи (структуры) социокультурным была широко распространена в конце 20-х и начале 30-х годов. Позднее она справедливо была названа вульгарным социологизмом и преодолена в ходе развития советской философии и социологии. Наверное, можно добавить, что и сама по себе она была шагом назад от предшествующих философских социологических воззрений, за что и получила эпитет «вульгарный».

2. Великое прозрение Л.С. Выготского, заключавшееся в применении категории «форма — материал» в анализе и описании психики и деятельности, было объявлено ложным, наверное, прежде всего потому, что вообще не было понято. Если Л.С. Выготский говорил об «овладении закономерностями поведения», об изменении природы «натуральной», или биологической, психики путем наложения на нее структур, специфических для знаков и значений, и таким образом использовал, может быть не осознавая до конца, идею иерархизированных структур, связанных между собой отношением «наложения», или «паразитирования», (см. схему 2), то А.Н. Леонтьев и П.И. Зинченко вообще отвергли саму возможность существования подобных структур и отношений, не стали ее обсуждать как одну из возможных категориальных схем.

Схема 2

По сути дела, они вернулись к традиционным и малопродуктивным схемам членения объекта как бы «по горизонтали», в то время как Л.С. Выготский ввел и пользовался членением объекта как бы «по вертикали». Но этот момент, как я уже сказал, ими специально не обсуждался — по-видимому, из-за недостаточного понимания самой сути дела, — а в качестве пункта разногласий и расхождений была выдвинута проблема взаимоотношения психического и физиологического. Они обвиняли Выготского в том, что проблему взаимоотношения биологической и культурно-исторической психики он свел к проблеме взаимоотношения физиологического и психического, хотя сами работы Л.С. Выготского давали к этому очень мало оснований. Но зато благодаря такому сведению их критика приобрела внешне убедительный вид и избавила их от необходимости обсуждать саму категорию «форма — материал» и условия применения ее в изучении психики и деятельности. Поэтому сейчас мы вообще не имеем сколь-нибудь убедительных аргументов против того принципа и той схемы решения проблемы, которую выдвигал Л.С. Выготский.

По сути дела, Л.С. Выготский произвел очень интересное конфигурирование объекта, введя в психологию новое представление о возможных механизмах развития психических явлений и деятельности, механизмах «овладения своими собственными натуральными процессами», или, что то же самое, механизмах ассимиляции одной психической формой других, именно в этом и состоит суть категории «форма – материал».

3. Сейчас принято считать, что у Выготского не было идеи деятельности, что эту идею выдвинули, опираясь на воззрения К. Маркса, А.Н. Леонтьев и С.Л. Рубинштейн. Первая часть этого тезиса, наверное, верна. Если исходить из современного рафинированного представления деятельности, как оно существует, скажем, в теории деятельности, то у Л.С. Выготского, действительно, не было отчетливых и теоретических осознанных представлений о деятельности. Но если мы будем сравнивать воззрения Л.С. Выготского с теми, которые были противопоставлены его концепции под именем «принципа действия» или «принципа деятельности», то должны будем сказать, что у Выготского именно благодаря тому, что он выдвигал на передний план социокультурные отношения и знак с его значениями, были куда более глубокие и более точные представления о деятельности, нежели у его оппонентов и критиков. По сути дела, в своей критике А.Н. Леонтьев и П.И. Зинченко пошли назад от идеи деятельности, как они развивались в немецкой классической философии и у К. Маркса, к идее взаимодействия субъекта и объекта, в борьбе с которой складывалась и формировалась сама идея деятельности. Это проявилось во многих обстоятельствах и моментах, которые мы дальше будем выделять в качестве особых пунктов.

4. Главным из них, наверное, является то, что реальные «практические отношения субъекта-индивида к действительности» были объявлены тем самодостаточным целым, в рамках которого может быть исследована и объяснена психика. Тем самым деятельность была сведена к поведению индивида, была объявлена атрибутом и достоянием индивида.

Поскольку культура — т.е. знаки и выраженные в них нормы были противопоставлены социальным системам человеческой жизни и «выведены» за пределы реальных практических отношений человека к действительности, постольку культура была исключена из числа тех факторов, которые определяют психику и психические процессы человека. Изуродованная таким образом половина структур человеческой деятельности, та половина, которая относилась к социальным отношениям, была объявлена достаточно полной для объяснения возникновения и развития психики.

5. Вследствие разрыва социокультурных и социальных отношений были разорваны филогенез и онтогенез человека. Те наброски, которые содержались в идее культуры у Л.С. Выготского, были объявлены ложными, но вместо этого не было выдвинуто никаких других гипотез и предложений,

которые могли бы объяснить связь человеческой индивидуальной жизни с историей всего человечества. Тем самым давалось неявное оправдание сложившейся к тому времени практике «бескультурия».

6. Была подорвана или, во всяком случае, поставлена под сомнение идея учения как усвоения культурных средств знаков. Само учение должно было теперь трактоваться как реальное отношение индивида к действительности, т.е. к его непосредственному окружению. Таким образом, теория учения как общения с культурой как таковой и с прошлыми поколениями, создавшими ее, через эту культуру была заменена идеей взаимодействия с «окружающей жизнью».

Здесь нужно заметить, что этот принцип не был далее выдержан учениками Л.С. Выготского и они остановились на половинчатом и очень неопределенном решении, представленном в современной концепции «умственных действий».

Таковы философские и методологические основания, которые заставили учеников Выготского выступить против его концепции, и те основные теоретические и идеологические следствия, которые неизбежно следовали из принятых ими оснований.

Во всем этом круге идей нам особенно важно выделить, имея в виду тему доклада, противопоставление взглядов по линии соотношения логического и психологического. Анализируя итоги, к которым пришла концепция Л.С. Выготского, П.И. Зинченко совершенно справедливо выделил на передний план отношение знака-средства к предмету деятельности и совершенно справедливо квалифицировал это отношение как логическое, а не психологическое. Но этим самым была лишь зафиксирована, а отнюдь не решена великая проблема — не только профессиональная, но и социально-этическая, — вставшая перед психологами на рубеже XIX–XX столетий. Л.С. Выготский отказался от традиционного психологизма и попытался, задавая новый предмет исследования, связать психологию с логикой, социологией и культурологией. Это был шаг, необходимый для психологии, ибо собственно-психологические проблемы, поставленные ходом ее собственного имманентного развития, не могли быть решены в тех традиционных границах, в которых до сих пор существовала и развивалась психология. Выдвинув на передний план как источник и средства формирования и развития психики знак и его значения, Л.С. Выготский неизбежно должен был затем сделать главный вопрос о том, что такое знак и что такое значения, т.е. вопрос логический и социологический. Иначе говоря, он поставил изучение психики в зависимость от изучения природы знака и значения. И в силу этого перед психологом встала альтернатива: либо последовать за Л.С. Выготским, сделать шаг дальше в понимании природы психики и психического, но для этого выйти в область логики и социологии, по сути дела, покинуть цех традиционной психологии и

деквалифицироваться, либо же оставаться в рамках традиционной психологии и тогда не идти вслед за Выготским, отказаться от предложенных им направлений исследования.

Я не случайно назвал эту альтернативу не только профессиональной, но и социально-этической, ибо она по своей глубокой сути была именно такой: идти вперед и стать изгоем или же остаться в профессиональной общности, но тогда отказаться от предлагаемого движения вперед.

Ученики Л.С. Выготского, его непосредственные ученики и сотрудники выбрали второй путь.

Это их решение определило линию дальнейшего развития советской психологии на 30, а может быть и большее число лет. То, что мы сегодня наблюдаем и знаем, есть продолжение этой самой линии — линии ревизии взглядов Л.С. Выготского в плане приспособления их к традиционному психологизму. Но анализ всех перипетий этой истории представляет уже особую тему, требующую специального обсуждения.